

Алла ПУГАЧЕВА:

ТРИ МОИХ СЧАСТЛИВЫХ ДНЯ

Недавние сольные концерты Аллы Пугачевой в Петербурге, а затем и в пятидесяти престижных залах Атлантик-Сити, Чикаго, Лос-Анджелеса доказали, что Пугачева не только восстановила достойную ее имени вокальную и актерскую форму, но и явилась такой, какой мы ее еще, пожалуй, не знали. Ничего от поп-дивы, минимум атрибутов эстрадного шоу, никакого заигрывания с публикой. Эта ее программа — попытка исповеди, итог пройденного за 23 года пути.

Мне довелось сопровождать певицу и на гастролях в Петербурге, и в поездке по Америке. После концертов, когда спадало напряжение (известно, что Пугачева невероятно для звезды такого уровня и опыта нервничает, тщательно готовится, бережет и накапливает энергию перед каждым своим выходом на сцену), у нас появлялась возможность поговорить — о песнях, о жизни вообще.

— Почему в "Избранном" сложилось отношение пять к одному в пользу старых шлягеров?

— Наутро после одного из концертов включаю телевизор и вижу рекламу: "Алла Пугачева — новая

программа!" Я сначала так расстроилась. Ну если она называется "Избранное" — то как же может быть новой? По этому поводу даже пошутила на следующем концерте: "А теперь самая новая песня — "Арлекино"! У меня есть еще несколько таких "суперновинок" — "Журавлик", "Робот"...

Впрочем, не зря говорят: новое — хорошо забытое старое. Меня Ринго Старр и особенно Мик Джаггер вдохновили своими московскими концертами. Их же никто не спрашивал: "А где, господи, ваши новые песни?" Вот и решила: чем я-то хуже? Столько за 23 года спела... Теперь пусть

слушают — кому нравится. А кому нет — и не надо.

Вообще, вопросы типа: "А что вы будете петь: новые песни или старые" — меня умиляют. Это все равно что спросить: молодая я или старая. Я пою не новое и не старое, а хорошее и красивое. То, что не стареет, — оно просто становится классикой.

(Окончание на 4-й стр.)

Труд. — 1998. — 14 нояб. — с. 1, 4
Алла ПУГАЧЕВА:

ТРИ МОИХ СЧАСТЛИВЫХ ДНЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Я стала выбирать те песни, которые хотела бы видеть в "Избранном". Очень трудное оказалось занятие. Ну и что в итоге осталось? Двадцать семь песен вошли в "Избранное", и еще где-то пятнадцать в запасе. Вот вам и напела — за столько-то лет!

— Полгода назад, начиная тур, вы говорили, что после "Избранного" займетесь созданием давно задуманного Театра песни...

— Именно — Театра песни. Непонимание разницы между ним и обычной сценой привело к тому, что власти так и не помогли мне реализовать хороший проект. Мне хотелось построить театр синтетический, где могли бы идти бродвейские мюзиклы, представления в духе кабаре "Лидо"... В принципе сцена, допускающая перестройку в нужном мне плане, в Москве есть, но уж больно много требуется для этого денег. Но ничего — что-нибудь придумаем! Мне же не всю жизнь петь. Надо когда-то пересечь в этакое креслице художественного руководителя. Но когда это будет — не знаю. Я за эти полгода (не "тура" — не люблю это слово, а уж "триумфальное возвращение" — и подавно) продолжения своей гастрольной биографии не только не насытилась "Избранным", а едва вошла во вкус. Сцена — единственное место, где мне никогда не бывает одиноко.

— Случаются ли прямо во время концерта какие-то незапланированные ситуации? Например, так нестерпимо разболелась голова, что хоть беги за кулисы и таблетку "упса" принимай...

— Когда на сцену выходишь, обычно все болезни отступают — это аксиома. Но жизнь есть жизнь, и на одном из недавних концертов у меня вдруг свело ногу. Благо, в этот момент по ходу действия я могла присесть за столик, находящийся на сцене. Там и попробовала себя уцепить, как-то преодолеть боль. Когда она отступила, у меня на душе так полетало, что я даже с другими интонациями запела.

— Но кончен бал, погасли свечи, и вы остаетесь со своими житейскими проблемами. Интересно, насколько далеки вы от народа? Вот многие женщины в момент кризиса броси-

лись делать заготовки...

— А я еще раньше увлекалась садоводством и огородничеством. Настя Вертинская начала учить меня консервированию. Я все мечтаю достроить дом на берегу озера, где хорошо будет не только мне и моей семье, но и гостям. Туда нельзя будет приехать на час-другой — только на три дня, не меньше. Чтобы вкусить все прелести загородной жизни. Все это будет называться "Три счастливых дня" (Алла улыбается — так называется одна из знаменитых ее песен, тоже вошедшая в "Избранное").

— Прим. автора).

— Как вы реагируете на разговоры о вашем якобы предстоящем разводе с Филиппом Киркоровым?

— Разводят нас, сводят — как мосты... Говорят, что Филипп будет искать кого-то помоложе себя, что свойственно мужчинам в возрасте за 30. А я вообще не представляю себе, что значит быть замужем за человеком в возрасте. У меня все мужья были молодые! И Филиппа если променяю, то только на молодого. (Улыбается).

— В будущем году (и уже в нынешнем концертном сезоне) грянет ваш юбилей. Где и как будете его отмечать?

— Не знаю еще. Да и буду ли? У Валеры Леонтьева — юбилей, у Боярского — тоже. Столько нас — пятидесятиков! Я с восторгом вспоминаю свои сорок восемь — праздник во дворце "Олимпийский", который устроили ребята-артисты. Ей-Богу, мне уже достаточно почестей.

— Говорят, что вы не только побывали на концерте "Роллинг-Стоунз" в Москве, но затем довольно плотно пообщались с Миком Джаггером...

— Я еще до нашей встречи знала, что это интеллигентный, эрудированный человек. Он, например, прекрасно знает Достоевского, Булгакова... Настоящий джентльмен! А тот образ, что создает Джаггер на сцене, — это именно образ, и я его считаю просто гениальным. Он такой родной мне во всем. И что со мной творилось на этом концерте — словно вернулась в свои восемнадцать!

— Уезжая на гастроли, особенно на Запад, получаешь возможность взглянуть на самые жгучие проблемы нашей страны как бы со стороны.

Ваше мнение: что же все-таки происходит в российской жизни — не только в шоу-бизнесе?

— Идет смена поколений. И в искусстве, и в политике, и в экономике. Молодые чего-то хотят, но не могут доказать правильность своего пути, а старики стараются внушить всем, что они еще ого-го, да тоже не могут. Но это скоро пройдет, новое поколение все равно не захочет возвращаться в "светлое прошлое". Это не значит, что мы должны воевать, идти на баррикады. Надо просто хорошо делать свое дело. И еще — не молчать, ведь есть же пресса, другие трибуны. Надо помочь тем, кто задержался наверху, а то уж очень они мучаются, туда-сюда шарахаются. Важно, что в трудные минуты мы еще не разучились друг друга поддерживать, спланиваться. Только нельзя опять дать себя обмануть, ограбить, развратить.

— Алла Борисовна, время от времени вас просят то в депутаты, то в министры, а то и в президенты...

— Да, действительно, бывает, создаются какие-то инициативные группы за выдвижение моей кандидатуры куда-то во власть, но я обычно узнаю об этом последней. Однако мне не нужен политический пост, чтобы делать хорошее дело для народа. В России столько невестребованных умных, деятельных людей. Вот на кого надо делать ставку.

— Оставим прозу политики. Но, между прочим, такого прозаического дела, как разработка модельной обуви, вы не чуждаетесь? Чем порадуete в новом сезоне?

— Бурками! Хочу поддержать отечественное производство. И, к тому же, напомнить нашим мужчинам, насколько бурки могут быть удобными, модными, теплыми, практичными. Собираюсь поехать на одну из наших фабрик и использовать обыкновенные колодки (они очень удобные, еще мой отец такие носил и хвалил). Я и женскую модель бурсок разрабатываю. В общем, все будет носить с удовольствием — и молодежь, и пожилые люди. Так что далекое это дело от песни или не очень — а идея, как видите, та же самая: новое — это хорошо забытое старое.

Вел беседу Михаил САДЧИКОВ, обозреватель издательского дома "Калейдоскоп" — специально для "Труда".